

УДК 1(091): 165.22

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.4.086

МНОГОЛИКИЙ ХАРАКТЕР ПОСТИСТОРИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Н.Н. Равочкин

ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет
имени Т.Ф. Горбачева», г. Кемерово

ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный аграрный университет
имени В.Н. Полецкова», г. Кемерово

В социальной философии большое внимание занимают вопросы истории. Усложнение мира способствует отказу от принципов линейности и упрощенного понимания исторического процесса в пользу полицентричности современного мира. Массив постмодернистских концепций фиксирует свое внимание на значимости личных историй. Господство техники также обращает на себя внимание ввиду стремительных трансформаций аксиологических модусов человечества. Множественность исторической онтологии обуславливается разнородностью современных социальных систем. Настоящая статья посвящена рассмотрению многоликости постистории. Автор исследует, какую роль играет переход от Модерна к Постмодерну в развертывании новых описаний исторического процесса. Проанализированы ключевые философские концепции, освещающие подходы к изучению исторического процесса. В работе рассмотрен нарративный подход, играющий важную методологическую роль в описании постистории. Обозначены векторы трансформации общества. В заключение подведены итоги исследования.

Ключевые слова: *постистория, общество, коммуникация, современность, Постмодерн, нарратив, идея.*

Вопрос о сущности исторического процесса связывается с выявлением содержания перехода от одного значимого события к другому, их взаимосвязи, логическому описанию и постижению сущности процессов, в которые они вплетены. Сама по себе идея историцизма включает в себя целый ряд значимых положений, среди которых имеет смысл выделить следующие:

- линейное видение социальных процессов, в соответствии с чем полагается наличие исходной исторически значимой точки, а также направления движения всего процесса развития;
- презумпция имманентной логики исторического процесса, включающей в себя положение о наличии закономерностей, внутренне присущих истории;
- презумпция трансцендентального означаемого, предполагающего наличие локальной социальной реальности, основанной на наличии сово-

купности смыслов, выражающих актуальные формы и способы своего проявления;

- презумпция возможности творения принципиально нового, изначально не существовавшего. Сама идея новизны реализуется как в социальной ткани через современные и принципиально новые институты коллективного бытия, так и в интеллектуальной сфере, что воплощается в артикуляции новизны научных исследований, а также необходимости аргументации своей точки зрения.

Сегодня в философских и социальных исследованиях учеными проводится обоснование положения о необходимости отказа от принципа историзма и признание высокой ценности идеи постистории. В качестве фундаментальных свойств последней высказывается ряд принципов, в которых отрицается высокая значимость принципов историзма как метода научного поиска, социального бытия и интеллектуальной конструкции. Так, в рамках постмодернистского миропонимания высказывалось положение об отказе от линейного понимания исторического процесса и признания высокой ценности полицентричности как символа современного мироотношения. Раз так, значит, признавалась необходимость отказа от внутренней логики реализации истории как таковой, выводится положение об отсутствии фундаментальных оснований, законов и целей процесса развития всего человечества. Кроме того, важным оказывается наличие имманентно присутствующего означаемого, сущность которого берется не из фундаментально существующих принципов коллективного бытия, а из сиюминутной обстановки.

В современной философской мысли существует ряд трактовок проблемы «конца истории», среди которых следует выделить «оптимистическую», сформулированную Ф. Фукуямой, пессимистическую, выраженную в концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона, и постмодернистскую, выраженную в ряде концепций. Так, постмодернистское понимание исторического процесса связывается с отказом «от линейного осознания времени, предполагающего понятия минувшего и грядущего, и от основанного на нем линейного прочтения истории как необратимо развернутой из прошлого через настоящее в будущее» [8, с. 26]. Ж.-Ф. Лиотар констатирует упадок доверия, которое западный человек на протяжении последних двух столетий питал к принципу всеобщего прогресса человечества [6]. Ценным в таком случае оказывается феномен отсутствия прогрессивного в историческом процессе, что выражается в отказе от генерализирующей линии и признании личных событий как наиболее важных и ценных.

Интересным в плане понимания постистории является феномен постмодернистской философии, в рамках которой ряд мыслителей сформировали различные концепции, так или иначе трактующих исторический процесс. Ценным в самом общем виде следует считать два перехода. Один из них состоит в трансформации социума от традиционного к обществу модерна, что выражается в том числе в переходе от циклической модели вре-

мени (связанной с природными циклами) к линейной его трактовке (связанному с идеей постоянного прогресса). Второй переход связан с трансформацией технических средств, обеспечивающих функциональность социальной ткани и возможность жизнеспособности новых базовых ценностей.

Так, в обществе модерна технические средства обладали возможностью обеспечить человечеству господство над природой, что делало перспективным ее трансформацию в необходимых формах. Предполагалась принципиальная необходимость определять в понимании исторического процесса точки начала и конца с возможным эффективным прогрессом от первого ко второму.

Технические средства постиндустриального общества детерминированы системами сбора и обработки информации, поэтому такое положение дел для природы оказывается более экологичным, однако принципиален слом рационального как принципа, ставшего центральным в модернистском понимании истории. Постмодернистское видение исторического процесса усматривается некоторыми мыслителями через принцип полицентрического мироотношения. Так, Дж. Ваттимо через апелляцию к идее технического переоснащения современности предпринимает попытку указать, что сам термин «постмодернизм» несколько некорректен, что связано в первую очередь с включением в него идеи рационального как ядра регламентации исторического процесса. Куда эффективнее и ценнее, как полагает мыслитель, понятие «поздняя современность», в рамках которого отрицается идея единой, универсальной и однолинейной истории.

Идея Дж. Ваттимо о развитии средств массовой коммуникации заключается в позиционировании принципа центров сбора информации. Функциональным для нас является тот факт, что в традиционном обществе такой центр является единственным, определяющим функционирование всего исторического процесса и общества как системы. Однако развитие технической стороны современности справедливо приводит Дж. Ваттимо к идее полицентричности общественной системы поздней современности, что делает возможным признание множественного характера всей исторической онтологии. Именно по этой причине, как справедливо показывает мыслитель, принципиально невозможным становится формирование универсальной истории, о которой так страстно мечтали философы эпохи Просвещения [1].

Кроме того, выявленный принцип становится основанием для соединения методологических программ унитаризма и плюрализма в исторического процессе. Первая определяет сам принцип упорядочивания через определение иерархии принципов организации исторического как такового. Вторая выражается в признании равноценности доминирующих точек зрения на становления исторического процесса, базовых ценностей, идей и принципов.

На этом основании Дж. Ваттимо реализует проект нигилизма, предложенный сначала Ф. Ницше, а потом М. Хайдеггером. Однако в отличие от

своих немецких предшественников, которых Дж. Ваттимо трактует как сторонников метафизического фундаментализма, ученый резко противится установлению нового метафизического основания [10]. Философия как способность нигилистического переосмысления традиционных ценностей позволяет выйти за пределы возвышенных идеалов и продемонстрировать их произвольный характер.

В таком ракурсе следует говорить о том, что исторический процесс как феномен философского изучения действительно становится деконструктивистски переосмысленным и не предполагающим наличия фундаментальных оснований. Ценность предложенного Дж. Ваттимо подхода определяется скорее идеей унифицирующего полицентризма, в рамках которого сохраняется сама идея фундаментальных принципов персонального и коллективного существования, которые, однако, реализуются в отдельных, субъективных формах. Прочные основания человеческого существования и его верований оказываются лишь заблуждениями, которые невозможно исправить через обращение к альтернативным истинам, поскольку даже они, равно как и само понятие «оснований» растворяется в идее нигилистического переосмысления. Данное понятие становится онтологическим и гносеологическим принципом отношения как к ценностям, так и к историческому процессу, делая его антифундаментальным и не имеющим единой, генеральной линии.

Можно говорить о том, что один из ликов характера постистории заключается в коммуникационной природе социальной среды, в которой она реализуется. Субъективные формы реализации фундаментальных оснований являются следствиями компьютеризации и виртуализации социальных процессов. Более того, сами представленные идеи и общественные феномены определяют практики персонального и коллективного бытия и, как следствие, – позволяют сформировать определенный коммуникационный процесс, детерминирующий перспективы становления понимания исторического процесса.

Кроме того, сама идея «завершения проекта модерна» в трудах Дж. Ваттимо связывается с дискредитацией концептов эмансипации, культурного униформизма и прогрессизма и утверждением утраты контроля над настоящим как точки отсчета, позволяющей как реконструировать прошлое, так и прогнозировать будущее [2]. Как следствие, становится невозможным формирование привилегированной точки отсчета, эксклюзивной точки сборки смыслообразования в исторических масштабах категориальных оснований истории и культуры, что становится основанием возможности признания принципиальной значимости историографических и историсофских интерпретаций и включенной в их структуру возможности неизбежно фальшивой презентации «реальности» [1, с. 97].

На практическом уровне представленная логика размышления Дж. Ваттимо отражает принципиальную возможность нарративного подхода к описанию исторического процесса. Постистория как таковая основыва-

ется отнюдь не на принципе доминирующей идеи процесса разворачивания истории, речь идет о субъективной форме описания событий. Появляется основание для формирования доктрины презентизма – такого методологического основания, в котором реальным оказывается исключительно настоящее. Прошлое и будущее мыслятся в качестве результатов интерпретаций (памяти – в случае с прошлым и ожиданий в отношении с будущим).

В отношении с прошлым процессу интерпретации отдается конкретное событие прошлого, а субъективным оказывается результат восприятия и интерпретации. Как следствие, существенным при понимании прошлого оказывается отсутствие единых (универсальных) подходов к историческому процессу. Представленная методологическая установка включает в себя представление об онтологически обязательных расхождениях в описании событий и крайней затруднительности поиска единых интеллектуальных способов взаимодействия.

В отношении с будущим значимым становится возможность манипуляции перспективами развития. Использование ожиданий, всей совокупности эмоциональных оценок в отношении перспектив развития социальной группы может считаться основанием для различного рода манипуляций, что требует особых форм отношения к коллективному бытию и перспективам исторического анализа, соответствующих прогнозов.

Как следствие, интересным и ценным ликом характера постистории следует считать ее нарративность. Современные ученые, изучающие природу данного понятия, указывают, что под постисторизмом можно понимать такую методологическую установку, в которой «предметом исторического исследования является реконструкция исторического опыта в форме нарратива» [9, с. 69]. С.В. Никоненко обозначается первичность исторического опыта перед языком, с помощью которого он выражается, а также принцип выхода за пределы борьбы с историцизмом и его историческим универсализмом. Последнее оказывается побежденным хотя бы на том основании, что утрачивается фундаментальная характеристика правил и законов, выраженных в языковой форме. Первичность исторического опыта и его переживания делают невозможным универсализацию его выражения, что в конечном счете приводит к необходимости признания высокой ценности участия в переживании и персональным образом переосмысления события.

Ценным для нас является предположение С.В. Никоненко о необходимости отказа от принципа «неподвижности» сознания историка и его восприятия событий прошлого. Такое положение дел делало бы универсальным понимание и трактовку исторического события как феномена восприятия, что по своей природе оказывается крайне затруднительным и порой невозможным. Формирование общего, универсального понимания исторического события в частности и процесса в целом оказывается бесперспективным и невозможным как таковым.

Куда более эффективным оказывается принцип нарратива как рассказа о событиях и феноменах, так или иначе существующих, живущих в

прошлом. Главный принцип постисторицизма состоит в погруженности историка в момент «сейчас», что делает возможным такое признание: историк не транслирует опыт, а его интерпретирует, причем в своем самом общем виде речь идет не о теоретическом, а о чувственно-эмоциональном контексте такой интерпретации. Принцип интерпретации формирует рассказ о событии, что можно считать важным основанием постистории: идея Дж. Ваттимо о полицентричности изучаемого нами феномена органично дает возможность интерпретации любого события в процессе разворачивания прошлого и настоящего. Однако это не дает возможность соединить частные трактовки событий прошлого и сформировать универсальные формы исторического познания.

Как следствие, постистория суть результат совсем не логического анализа и получения нового знания о событиях прошлого, она скорее представляет собой совокупность нарративов, рассказов, причем таких, которые переживаются в ярко-эмоциональной форме. События, таким образом, оказываются важным структурным элементом персонального переживания историка как рассказчика, который мыслит себя в качестве участника тех событий, повествование о которых транслирует и являет миру. Как итог, историк работает не с событиями прошлого, а с его интерпретациями, выраженными в рассказе о событиях, которые по своей природе обладают устойчивым иммунитетом к толкованию, интерпретации.

Кроме того, ценным является тот факт, что в рамках нарративного подхода [9, с. 71] к сущности постистории значение имеет идея и феномен возвышенного опыта, связанный с тем, что исторический опыт, будучи незавершенным по своей природе, всегда выступает интерпретированным в рамках того или иного символического ряда. Принципиальным в таком случае становится не только и не столько процесс интерпретации, который имеет определенную ценность как для интерпретатора – участника событий постистории, познающего субъекта. Куда более важным оказывается символическое поле как многообразие форм выражения значений исторического опыта.

Возвышенная природа постистории реализуется в поиске и формировании эмоционально окрашенных форм восприятия исторических событий. Это, по справедливому замечанию С.В. Никоненко, задействует разные формы и подходы к процессу рассказывания событий. Приобретается принципиально новая форма бытия постисторической реальности. Ученый пишет, что «нарративная форма, романтизируя историю, поэтому активно задействует “эпические” и “тропологические” подходы, в осуществлении которых феномены сходства или отличия, принятия или отторжения, восхищения или презрения значат не меньше, нежели убежденность в истинности, достоверности, правдоподобности описаний» [9, с. 71]. Важно в данном случае понимать, что постистория оказывается способной отказываться от формального и формализованного подхода к историческому бытию, она по своей природе склонна к реконструкции полученного опыта.

Будучи интерпретаторами подобного сорта опыта, мы становимся своего рода участниками этой постистории. Причиной тому – возможность избавления от давления со стороны институционализированных норм и культурных наслоений. Как следствие, характер постистории современного социума получает свойство интерсубъективности, выраженное в возможности участия в переживании ценного для группы воспринимающих субъектов события.

Как следствие, характер постистории трансформируется от интеллектуального процесса к проведению действий культурного характера. В различных концепциях, посвященных изучению данного феномена, указывается, что анализу подвергаются не концептуальные основания становления исторического процесса, а скорее практики культурного бытия социальности, персонального или коллективного бытия. Как следствие, трансформируется и познающий субъект, который изменяет свою природу, уходя от формата «интеллектуала» в сторону так называемого «культурала».

Однако следует уточнить, что подобная форма трансформации природы постистории связывается с различными практиками, которые в той или иной форме позволяют адаптировать, реконструировать опыт прошлого. Так, на «теоретическом» уровне (в значении – противоположном практике) полагается, что процесс цитирования имеет функцию обращения к опыту анализа интересующих проблем и научно значимых феноменов. Однако сама форма реализации решения актуальных современных значимых аспектов тех же проблем связывается с новым, современным опытом научного творчества.

Логическим развитием природы характера постистории следует считать формирование новых форм отказа от генеральной, доминирующей позиции модернистского понимания истории. Так, частным случаем следует считать введенный в научный оборот Э. Юнгером понятия «анарх». Содержательный анализ данного термина приводит к необходимости его отличия от концепта «анархист». Дифференциация данных научных понятий заключается в том, что второй содержит в себе идею дихотомического противостояния с «монархом», в то время как «анарх» дополняет его.

Смысл оппозиции «анархиста» и «монарха» состоит в признании доминирующей идеи монарха, который по своей сути представляет собой образ традиционных форм определения культуры, политических и прочих отношений. По этой причине анархист зависим от собственных желаний и от властных структур, поскольку все время следует за теми, кто обладает властью и противостоит им. Анарх же в свою очередь удален в полном смысле от монарха, он ему не противостоит, а в полном смысле равнодушен к структурам доминирования. Он стремится властвовать исключительно над самим собой, что делает объективным его отношение к субъектам доминирования.

Кроме того, анарх исторг из себя общество, став зрителем в системе общественных интеракций. Для нас это может означать, что существующие

нормативные основания коллективного бытия утрачиваются и не допускаются в интеллектуальную среду анарха, который по своей природе становится максимально Единственным (в значении идей М. Штирнера). Избавление от интеллектуального противостояния с имеющимися структурами, доведенный до предела нигилизм формирует возможность создания постисторического мироотношения, в котором субъект познания процесса становления истории не воспринимает Другого как его участника. Все субъекты в системе постисторического миропонимания оказываются самодостаточными и не допускающими коллективного совместного бытия. Формируется интеллектуальная среда с максимальными свойствами и перспективами персональной самореализации и творения индивидуальной истории.

Кроме того, в рамках представленной логики анарх придерживается не идей, а фактов, которые переживает самостоятельно. Мы видим, как в очередной раз решается идея персонального переживания фактов и их интерпретации как базовой характеристики постистории [4]. На этом основании делается вывод о персональной ответственности за страдания от переживания фактов. Исторический процесс более не воспринимается всерьез, в нем угасает традиция, а современность получает образ общества спектакля Ги Дебора. Все делается «понарошку»: «даже “диктатуры” властвуют понарошку, ритмично чередуясь с периодами столь же “несерьезного” республиканского правления. “Тираны” вершат не более одной казни в год (и то – в отношении отъявленных уголовников), ссылают наиболее активных своих противников на близлежащие острова, где дозволено самовоспроизводиться обычной социальной организации, и сквозь пальцы глядят на фрондирующую “официальную” оппозицию» [3, с. 116]. Как следствие, этос постистории ликвидирует традиционные формы оппозиции всех возможных социальных форм нормативности. На их место встает персональное субъективное бытие отдельного человека, трактующего себя и собственную нормативную базу как единственно возможную, не вступающую во взаимодействие с другими формами регламентации персонального или коллективного взаимодействия. В ярком выражении идея нарративов как рассказов, переживаний о событиях, действиях оказывается своего рода практической реализацией взаимодействия отдельных Единственных участников данного постисторического (псевдо)процесса.

В результате возникает так называемая постисторическая рутина, выйти из которой становится возможно двумя способами. Первый вариант – обживание системы катакомб постмодернистского общественного бытия, в которой каждый отдельный мир (способ персонального существования) становится зрителем чуждых ему драм и интеракций частных драм. Второй – уйти из истории совсем, создать систему собственных химер, мифов, которые удовлетворяют только конкретного субъекта. В обоих случаях сама идея наследования интеллектуального, социального, равно как любого другого потенциала оказывается совершенно невозможной.

Значимой в таком случае становится идея Э.М. Чорана о пристрастности исторического процесса. Вопрос о доминировании в традиционном понимании исторического процесса неминуемо приводит к идее выделения значимых событий, их оценке в качестве значимых. Идея конца истории, формирование постисторической реальности создает отношение равнодушия к миру, событиям, самому человеку [11, с. 164–166]. Мыслителем полагается справедливая идея о том, что исторический процесс творится человеком, чьи затраты ведут историю к будущему. Исключение из процесса таких затрат влечет за собой разрушение самого процесса становления, невозможность и неспособность к творчеству. Как следствие, сама идея постистории содержит в себе центральное положение о нежелании и неспособности субъекта исторического процесса к созданию новых ценностей взамен рухнувших, оставшихся на обломках канувшей в лету истории. Представленная позиция говорит о бесперспективности как свойстве характера постистории.

Не менее важным ликом характера постистории следует считать ее симуляционность. В рамках своих известных идей Ж. Бодрийяр высказывает предположение о трансформации социальных процессов и формировании различных оснований постисторического бытия. Так, одна из гипотез, выявленных ученым, включает в себя идею о том, что социальные процессы связываются с массовизацией, насыщением различных форм и видов социальных обменов, а также информационных сетей. Количество событий становится настолько большим, что оказывается безразличным, какое именно действие является определяющим, принципиальным, значимым.

Кроме того, чем более массовым становится производство информации, тем более человеческие массы оказываются нейтрализованными, невосприимчивыми к поступающим данным. Как следствие, нивелируется, нейтрализуется и история, которая прекращает свое существование исключительно благодаря тому, что замедляется ее восприятие, массы впадают в оцепенение, становятся индифферентными по отношению ко всему. Усвоение событий прекращается, а значит, невозможным оказывается выстраивание связей между ними, исторический процесс прекращает свое существование.

Близкой к данной является гипотеза Ж. Бодрийяра о том, что влияет на конец истории и формирование постистории факт информационного совершенствования истории, который уничтожает ее природу. Однако ценным в обеих концепциях является факт симулирования исторического как такового, что выражается в осмыслении не самого события, его причин и следствий [5], а выявлении гипотез и переосмысления существующих вариантов анализа исторического древа.

Таким образом, постистория мыслится как симулякр процесса развития, содержащий в себе подрыв традиционных ценностей и норм миропонимания, трактовки познающим субъектом своего места в мире и историческом процессе [9]. Мыслителем проводится аналоговый перенос сущности

символического обмена в область истории. Так, в данном понятии отражается существенное отличие от производственного обмена или меновой стоимости, предложенной в марксистской концепции. Ж. Бодрийяр обратил внимание на то, что в современном обществе господствует не производство, а СМИ, системы управления, индустрия развлечения и прочее, что не позволяет сохранить генеральные принципы фундаментализма [7]. Это приводит к конечной идее симулякризации не только современного символического обмена (в противовес политической экономии), но также и исторического процесса, выраженного в постистории.

В целом же, можно говорить о том, что постистория обладает многоликим характером, природу которого можно свести к методологическому отходу от идеи фундаментализма и централизованного понимания процесса ее разворачивания. Реализуются фундаментальный отказ от традиционных ценностей, принцип субъективизма, эмоционального переживания и проживания события, которое более не имеет былой включенности в общий процесс становления. Нигилизм, доведенный до формирования статуса анарха, – вот что становится принципиальным в постистории. Субъект исторического процесса оказывается своего рода сторонним наблюдателем, нежели активным участником знаковых событий.

Идея нигилизма постистории переосмысливается рядом мыслителей через принцип отказа от устоявшихся нормативных оснований коллективного и универсального бытия, как следствие, все многообразие частных драм в постистории оказывается равнозначным. Это порождает принципиально новую идею отношения к историческому процессу, выраженную в желании и возможности субъектов формирования собственных временных концептов и конструкторов, для которых характерен принцип равноправия и взаимоисключения. Также важное место отводится симулятивным возможностям исторического процесса, подмене переосмысления информационного потока и места в нем человека как субъекта. В свою очередь, символический обмен приводит к смерти субъекта постистории.

Список литературы

1. Ваттимо Дж. Прозрачное общество. М.: Логос. 2002. 128 с.
2. Верещагин О.А. Презентистская методология и возвращение референциальности исторического сознания // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: Труды IV Междунар. науч. конф. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2023. С. 416 – 419.
3. Гладилин Н.В. Этнос постистории в «Эвмесвиле» Эрнста Юнгера // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 112–119.
4. Казаков С.О. Вариации консервативной критики современной западной цивилизации в поздних работах Эрнста Юнгера // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 6. С. 5–14.

5. Кимелев Ю. Жан Бодрийяр. Иллюзия конца, или прекращение событий // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1, № 1. С. 36 – 38.
6. Лиотар Ж.-Ф. Заметка о смыслах «пост» // Иностранная литература. 1994. № 1. С. 7 – 14.
7. Мищенко М.А. Теоретический гиперкритицизм Жана Бодрийяра в контексте постмодернистской социальной теории // Теологический вестник Смоленской православной духовной академии. 2022. № 4. С. 120–137.
8. Можейко М.А. Феномен постистории: трактовка социального времени в современной культуре // Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств. 2005. № 5. С. 22–30.
9. Никоненко С. В. Постисторизм и конец историцистского проекта: к вопросу о преодолении исторического релятивизма в аналитической философии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40, № 1. С. 68–80.
10. Сидоров А.М. Герменевтическая онтология Дж. Ваттимо // Таврический научный обозреватель. 2017. № 4-1 (21). С. 52–57.
11. Чоран Э.М. После конца истории. СПб.: Simposium, 2002. 544 с.

MULTIFACETED CHARACTER OF POST-HISTORY: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

N.N. Ravochkin

Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo
Kuzbass State Agricultural University named after V.N. Poletskov, Kemerovo

In social philosophy, much attention is paid to the issues of history. The increasing complexity of the world contributes to the rejection of the principles of linearity and simplified understanding of the historical process in favor of the polycentricity of the modern world. An array of postmodernist concepts focuses on the importance of personal stories. The dominance of technology also attracts attention in view of the rapid transformations of the axiological modes of humanity. The plurality of historical ontology is due to the heterogeneity of modern social systems. This article is devoted to the consideration of the many faces of post-history. The author considers the role played by the transition from Modernity to Postmodernity in the development of new descriptions of the historical process. Key philosophical concepts that illuminate approaches to the study of the historical process are analyzed. The work considers the narrative approach, which plays an important methodological role in the description of post-history. The vectors of transformation of society are outlined. In conclusion, the results of the study are summarized.

Keywords: *posthistory, society, communication, modernity, Postmodernism, narrative, idea.*

Об авторе:

РАВОЧКИН Никита Николаевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева», профессор кафедры педагогических технологий ФГБОУ ВО «Кузбасский госу-

дарственный аграрный университет имени В.Н. Полецкова», г. Кемерово. E-mail: nickravochkin@mail.ru

Author Information:

RAVOCHKIN Nikita Nikolaevich – PhD (Philosophy), associate professor, professor of history, philosophy and social sciences dept., Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev; professor of pedagogical technologies dept., Kuzbass State Agricultural University named after V.N. Poletskov, Kemerovo. E-mail: nickravochkin@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.10.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2024.